



СЕГОДНЯ 90 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО



«ОН ОШЕЛОМИЛ МЕНЯ...», — ГОВОРИТ О СОВЕТСКОМ ПОЭТЕ АРГЕНТИНСКАЯ ПЕРЕВОДЧИЦА Л. ГЕРРЕРО

«Литература СССР — только участок на огромном фронте борьбы мира за освобождение; наши слова закатываются за кордоны — и там это не шаблонные агитки, а чудо свободного слова, организующего или еще более сплачивающего левые отряды для грядущей борьбы». Эти слова выдающегося советского поэта Владимира Владимировича Маяковского, сказанные свыше пятидесяти лет назад, оказались пророческими не только в отношении советской литературы в целом, но и его произведений, в частности.

Стихи Маяковского издаются на всех континентах. Выходят они и в Латинской Америке, где особенно много почитателей его яркого таланта. Это не удивительно. Ведь Маяковский был едва ли не первым советским писателем, посетившим далекий континент. В 1925 году он побывал в Мексике и на Кубе. Поездка поэта в эти страны, нашедшая большое отражение в его творчестве, позволила латиноамериканцам и лучше узнать первую в мире страну социализма, и познакомиться с ее литературой и искусством. Вполне закономерен поэтому тот интерес, который проявляется в Латинской Америке к произведениям советских авторов, в том числе

и Маяковского. Уже в 30-е годы в Аргентине, Чили, Мексике, на Кубе в журналах и газетах появляются подборки стихов поэта, выходят отдельные сборники его произведений, публикуются статьи о его творчестве.

В Буэнос-Айресе мне довелось познакомиться с Лилой Герреро, страстным почитателем и пропагандистом поэзии Маяковского. Сейчас ей далеко за семьдесят, и большая часть ее жизни неразрывно связана с творчеством нашего поэта. Ее перу принадлежат десятки статей, монографий, исследований о жизни Маяковского и его стихах. Она перевела на испанский язык наиболее ценное из творческого наследия поэта, выпустила антологию его стихов. И, наконец, Лила Герреро совершила, казалось бы, невозможное: практически одна, без чьей-либо помощи она подготовила к печати и издала 4-томное собрание сочинений Маяковского — до сих пор наиболее полное на испанском языке, сопроводив его подробным справочным и комментарийным материалом.

Я держал в руках этот четырехтомник в твердом сером переплете, перелистывал его. Какую же любовь к творчеству поэта надо иметь, чтобы посвятить ему всю жизнь!

Я спросил Лилу Герреро: чем это объяснить?

— В 1927 году, — вспоминает она, — я попала на поэтический вечер в Московском университете (с 1926 по 1930 год Лила Герреро вместе с мужем, сотрудником секретариата Коминтерна, жила в Москве. — А. М.). На нем выступал и Маяковский, о котором тогда я мало что знала. Когда он вышел на эстраду, зал заметно оживился. Мое внимание привлек его огромный рост, да, как мне показалось, подчеркнутая уверенность, с какой он держался на сцене. Но вот Маяковский начал читать. Зал замер. Его напряженность передалась и мне. Стала вслушиваться в первое стихотворение, которым Маяковский открыл свое выступление, — а это был знаменитый «Левый марш», и он захватил меня. Никогда до этого я не сталкивалась со столь могучей и страстной поэзией, наполненной революционным пафосом и безудержным оптимизмом. Маяковский буквально ошеломил меня. Впечатление от того вечера я сохранила на всю жизнь. И сейчас отчетливо представляю себе этого гиганта, размахивающего руками и читающего стихи. Конечно же, тогда я не думала, что придет день, когда я осмелюсь переводить стихи

Маяковского.

— И все же вы решились?

— Да. В 1929 году в столичном журнале «Носотрос» появилось несколько стихотворений Маяковского. Кажется, это была перепечатка из какой-то мексиканской газеты. Стихи, вернее, их перевод, расстроили меня. Я не увидела в них того Маяковского, который жил во мне, в моей памяти, не почувствовала силы, мощи, боевого задора, без чего его поэзия немыслима. Я обиделась за любимого поэта и решила сама перевести для начала одно-два стихотворения.

Так в газете «Нуэва эра» в том же году появился первый перевод Лилы Герреро. Это был «Левый марш». Затем ее переводы публиковались во многих других газетах. С начала 30-х годов стали появляться и написанные Л. Герреро статьи о творчестве и жизни советского поэта. Все это, как потом оказалось, было своего рода прелюдией к главному труду Лилы Герреро — собранию сочинений Маяковского.

— Признаться, я тогда не слишком задумывалась над тем, что меня ждет, с какими трудностями я могу столкнуться на пути к осуществлению задуманного. Но я была одержима мыслью — добиться своего

во что бы то ни стало — делится она со мной своими воспоминаниями.

И Лила Герреро выполнила свой грандиозный план, затратив на это 15 лет своей жизни. Трудностей оказалось больше, чем можно было предположить. Хотя бы финансирование задуманного, поиски издателя, который осмелился бы выпустить произведения, пожалуй, самого «красного» поэта. А ведь все это происходило в Аргентине — стране, в которой действуют репрессивные законы, запрещающие публиковать то, что не устраивает консервативные силы. Все это я подчеркиваю, чтобы показать, какой ценой было издано собрание сочинений советского поэта, четыре тома которого заняли почетное место на книжных полках тысяч аргентинцев, жителей других стран континента.

— Мною двигала огромная любовь к поэзии Маяковского, восхищение его личностью, преклонение перед ним, и я просто не могла, не имела права не сделать то, что сделала, — сказала Лила Герреро.

А. МЕДВЕДЕНКО.
(ТАСС).

Буэнос-Айрес—Москва,

На снимке: В. В. Маяковский.

В ОДНОМ СТРОЮ

Его стихи, прорвав громаду лет,
Буравят вечность строчками своими —
В одном строю с потомками поэт
Идет по жизни, как живой с живыми.
Идет, борясь со злом, творя добро
И радуясь, что былью стало это:
В боях к штыку приравнено перо,
В труде — к большим делам слова поэта.
В цехах, в полях, в морях растут герои.
К Земле сегодня звезды стали ближе...
Нам помогают будущее строить
Все сто томов его партийных книжек!
Владимир МАТВЕЕВ.

В юности он бывал резким, несдержанным, грубым. Резкость — от прямолинейности; несдержанность — от цельности и бескомпромиссности. Грубость — нарочитая, ибо был очень застенчив. Горький, зашедший как-то в подвал кафе «Бродячая собака», послушав его стихи, заметил:

— Зря разоряется по пустякам! Такой талантливый! Грубоват? Это от застенчивости. Знаю по себе.

Чуждый всяких условностей, Маяковский все время поступал «наоборот». Илья Ефимович Репин пришел как-то в восхищение от его стихов и захотел создать портрет молодого поэта. Подготовил холст, выбрал кисти, краски. Повторял Маяковскому, что с удовольствием изобразит его «вдохновенные волосы», придававшие поэту облик трибуна и бунтаря. Маяковский выслушал и в назначенный час явился к Репину. Но тот, увидев его, в ужасе всплеснул руками:

— Что вы наделали! О!!! Что вы наделали! Маяковский по пути зашел в парикмахерскую и сбрил свои «вдохновенные волосы»!

сы!»

Вспоминаю, как в Москве встретился я с праправнуком Михаила Юрьевича Лермонтова. Петр Николаевич рассказал, как познакомился с Маяковским.

— Это было в двадцатые годы. Приехал я отдохнуть в Ялту. Остановился в гостинице «Черная роза». Как-то слышу поутру густой бас в коридоре:

— Кто тут Лермонтов?

Открыл дверь. Стоит высоченный человек в элегантном костюме.

— Я Лермонтов, — отвечаю.

Человек сказал, как отрубил:

— А я — Маяковский.

И протянул широкую, лютую ладонь. Через четверть часа, сняв пиджак, мерял комнату крупным шагом. Читал «Парус», восхищался.

Ему по душе всегда было юное и молодое. На вечерах и встречах он внимательно выслушивал молодежь, дело-

вито и остро отвечал на записки, давал советы, «как делать стихи». И сколько поэтов, хороших и разных, сформировалось под его влиянием! Сколько и теперь называют его своим учителем. Ведь дело совсем не в том, что он писал «лесенкой», а не привычными ровными строчками, и не в том, что вводил новые слова: «двухметровый», «выгрыз» «изиздевался» и т. д. Его сила в гражданском пафосе и вере в мощь человеческого разума, в могучую силу человеческих рук.

И в то же время во многих его стихах поражает тонкий проникновенный лиризм. Если ненавидел, так ненавидел, любил, то любил беззаветно. Уезжая из Парижа, он в цветочном магазине оставил деньги с просьбой каждую неделю доставлять на дом цветы любимой девушке, Татьяне Яковлевой. И еще. Мне вспоминается встреча с сестрой поэта, Людми-

лой Владимировной. Я приехал в Москву, чтоб передать ей найденные мною в Сибири документальные материалы о Маяковском, о его стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка». Не знаю, почему, но в первые же минуты встречи разговор пошел «однобоко»: говорили об Александре Алексеевне, матери Маяковского, об отношении к ней поэта. Людмила Владимировна рассказала мне несколько эпизодов; некоторые из них я позднее прочитал в ее книге. Примечателен один:

...За столом мать и сын. Он гладит ее голову своими могучими руками:

— Мамочка, а что если я вам подарю дачу?

— Не нужно мне дачи, зачем, Володя.

— Ну, а если маленькую. Ведь хорошо будет? Автомобиль куплю.

— И автомобиль не нуж-

но. Куда мне ездить, Володя.

Дача, автомобиль — это его добрая фантазия. Реальность — милая мама и стихи:

Мне и рубля не накопили строчки, краснотеревщики не слали мебель на дом... Нежность, лирика органически совмещались с пафосом бойца-трибуна. В этом была его высшая человечность.

Маяковский был современен в самом глубоком и широком понимании этого слова. Встречи «лицом к лицу» с рабочим и крестьянином, выход на площадь, выступление у станка в перерывы между работой — вот его «творческая мастерская». А сколько поездов по городам страны!

18 февраля 1927 года он выступал в Туле, в зале Дома Советов. Доклад — «Идем

путешествовать!». Вот как рассказывал об этом выступлении М. Кольчугин:

«Маяковский вышел на сцену без всяких объявлений.

— Не успел я приехать в Тулу, не успел выпить чаю с плюшкой, как мне уже сообщили, что буржуазия моих стихов не читает потому, что меня ненавидит, а рабочие не читают моих стихов потому, что не понимают...

По залу пробежал смех.

— Но все же попробуем. Может быть, что и выйдет. Читайте «Океан!».

Читал с большим подъемом, в абсолютной тишине... Аудитория бурно аплодировала».

Он и сейчас перед нами — большой, талантливый — гениальный поэт, основоположник советской поэзии!

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук.

ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ